

Максимов Александр Яковлевич

**На Далеком Востоке. Полное
собрание сочинений**

Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
На Далеком Востоке. Полное собрание сочинений: Книга 3 / Максимов Александр Яковле-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 286 с.

ISBN 978-5-519-94873-9

ISBN 978-5-519-94873-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

угроза... Вотъ появилось откуда-то легкое облачко и ревниво скрыло красавицу-луну. Фантастическія тѣни, доселѣ оживлявшія мертвую поверхность степи, разомъ исчезли, словно дымъ, унесенный ураганомъ. Съ сѣвера понесся слабый вихрь, шаловливо закрутилъ снѣгомъ и снова замеръ, будто раздумывая: съ той-ли стороны повелѣть онъ свою буйную атаку на степь?.. Опять наступила гнетущая тишина, полная коварства, но не надолго... Налетѣлъ новый вихрь и обдалъ сухимъ снѣгомъ ямщика, сладко вздремнувшего на облучкѣ. Ямщикъ встрепенулся и подозрительно оглядѣлъ потемнѣвшую степь.

— Баринъ, а, баринъ!—боязливо позвалъ онъ, обернувшись къ кибиткѣ, изъ которой слышался легкій храпъ.—Баринъ, полно дрыхать-то!.. А, баринъ...

— Что такое?—досадливо отозвался наконецъ кто-то изъ повозки.

— Сейчасъ буранъ будетъ!—проговорилъ сдержаннымъ шопотомъ ямщикъ, точно страшась звука собственного голоса.

— Ну тебя съ бураномъ!.. Не мѣшай спать!.. — сердито проворчалъ неизвѣстный проѣзжіи и опять захрапѣлъ.

— Ладно!—съ какимъ-то озлобленіемъ прошепталъ ямщикъ.—Что-то скажешь послѣ, когда буранъ въ степи настигнетъ!..

— Эй, вы, милыя!—ободрилъ онъ лошадей боязливымъ, сдержаннымъ окрикомъ.

Лошади рванулись и помчались, точно чуя необходимость добраться до станціи какъ можной скорѣй...

Вотъ уже показались вдали привѣтливые огни деревни. Изрѣдка слышался отчетливый собачій лай и рѣзкое, вечернее пѣніе пѣтуховъ. Запахло дымомъ. Станція была близко, не болѣе какъ въ тысячи шагахъ. Ямщикъ перекрестился и энергично тряхнулъ возжами: тройка понеслась въ карьеръ... Вдругъ въ воздухѣ словно что-то разорвалось. Мгновенно налетѣлъ откуда-то страшный

вихрь и со стономъ понесся по степи, вздымая тучи льдистой пыли. Вокругъ загудѣло, засвистало и заревѣло. Доселѣ мертвенная степь вдругъ ожила, заволновалась и затрепетала. Могучій вихрь понесъ въ разныя стороны тучи сухого снѣга, который крутился, сбивался въ высокіе сугробы и снова разметывался. Казалось, легіоны злыхъ демоновъ безумно закружились во мракѣ и, съ дикими завываніями терзали другъ друга въ жестокой борьбѣ. Демоны то росли до необычайно-гигантскихъ размѣровъ, то падали обезсиленными... Взамѣнъ ихъ, подымались со степи новые демоны, еще злѣе, еще величественнѣе и могущественнѣе, и съ яростнымъ ревомъ неслись дальше, продолжая свою неистовую борьбу... Все окружающее затмилось непроглядной мглой. Небо почернѣло и опустилось низко—низко, словно намѣреваясь придавить стонавшую степь своею ужасающею громадою...

Тройка пошла шагомъ, едва осиливая свирѣпый буранъ. Лошади постоянно спотыкались, то перетаскивая съ неимовѣрнымъ трудомъ кибитку черезъ громадныя, глубокіе сугробы, то едва волоча ее по замерзшей землѣ, оголенной вьюгой. Снѣгъ съ озлобленіемъ хлесталъ въ лицо ямщику и залѣплялъ глаза. Студеный, сильный вѣтеръ рвалъ съ него даху и обдавалъ нестерпимымъ холодомъ. Напрасно понукалъ онъ усталыхъ лошадей, тщетно силился разглядѣть дорогу: метель сравняла ее съ безбрежною степью, а кругомъ бѣшенно крутилась и гудѣла какая-то непроницаемая, бѣлая масса, словно сказочное чудовище, леденящее кровь и останавливающее жизнь... Лошади съ величайшимъ трудомъ сдѣлали еще нѣсколько шаговъ и беспомощно остановились, увязнувъ въ сугробѣ по самое брюхо. Кибитка попала въ какую-то выбоину или канаву и сильно наклонилась на бокъ. Ямщикъ соскочилъ съ облучка.

— Что случилось? — послышался изъ кибитки тотъ же заспанный голосъ.

Ямщикъ не слышалъ вопроса и продолжалъ въ нерѣшительности стоять возлѣ увязшихъ лошадей.

— Что случилось? — нетерпѣливо крикнуть проѣзжій, но крикъ этотъ мгновенно затерялся въ свистѣ и ревѣ бурана.

Проѣзжій, не получивъ отвѣта, съ трудомъ откинулъ полость и высунулся изъ кибитки.

— Вотъ такъ мерзость! — сердито проворчалъ онъ, неожиданно обданный тучей льдистой пыли.. — Эй, ямщикъ, гдѣ ты? — крикнулъ проѣзжій во все горло, плотно запахиваясь въ богатую оленью даху.

— Чего, баринъ? — слышался голосъ ямщика, но такъ слабо, какъ будто онъ пронесся откуда-то издалека.

— Что случилось? — громко повторилъ свой вопросъ проѣзжій, наклонившись почти къ самому уху ямщика, продолжавшаго въ нерѣшительности стоять у передка саней, придерживаясь рукой за облучекъ.

— Охъ, бѣда, баринъ!.. Дорогу потерялъ!.. — слышался глухой отвѣтъ ямщика, говорившаго точно изъ глубокаго погреба.

Сильный вѣтеръ между тѣмъ продолжалъ неистовствовать; бѣшено крутилъ онъ около кибитки тучи снѣгу и воздвигалъ съ подвѣтренной стороны громадные сугробы. Лошади точно замерли и недвижно стояли въ снѣгу, беспомощно опустивъ головы; только изрѣдка, встряхивая гривами и позванивая колокольчиками, онѣ давали знать о своемъ существованіи. Проѣзжій вышелъ изъ кибитки и съ трудомъ добрался до ямщика, едва вытаскивая изъ глубокаго снѣга ноги, обутыя въ теплые медвѣжьи сапоги.

— Что думаешь дѣлать? — спросилъ онъ ямщика. — Вѣдь нельзя же намъ стоять на одномъ мѣстѣ; или замерзнемъ или занесетъ насъ снѣгомъ...

-- Охъ, баринъ, плохо!.. Совсѣмъ дорогу потерялъ! -- безнадежно проговорилъ ямщикъ, понутивъ голову.

— Деревня, вѣдь, должна быть близко, — замѣтилъ проѣзжій.

— Вѣрно твое слово, что близко, — согласился ямщикъ, — а какъ найдешь ее!?!.. Гляди, буранъ какой!..

Не видывалъ еще такого!.. Кони устали, съ дороги сбились, а гдѣ деревня—не знаю... Можетъ тутъ, можетъ тамъ, можетъ здѣсь, а можетъ и тамъ! — безнадежно добавилъ онъ, тыкая рукавицей на всѣ четыре стороны.

— Садись, баринъ! — проговорилъ онъ послѣ краткаго размышленія.—Попробую вправо взять...

Проѣзжій безпрекословно исполнилъ требованіе ямщика: усѣлся въ кибитку и плотно закрылся полостью, оставивъ лишь небольшое отверстіе для головы. Ямщикъ, утопая въ сугробахъ, обошелъ лошадей, поправилъ шлеи у пристяжныхъ, дугу у коренника, подбодрилъ ихъ ласковымъ словомъ и, вернувшись, занялъ свое мѣсто на облучкѣ... Вотъ тройка дружно рванула и начала забирать вправо, едва передвигая ноги. Кибитка нѣсколько разъ качнулась и съ трудомъ выбралась изъ образовавшихся вокругъ нея сугробовъ. Еще нѣсколько утомительныхъ шаговъ, и лошади опять остановились, низко понутивъ голову. Ямщикъ соскочилъ съ облучка и подошелъ къ проѣзжему, продолжавшему нетерпѣливо выглядывать изъ-за полости.

— Постой, баринъ, тутъ, а я на пристяжной противъ бурана поѣду: послушаю—не слышать ли чего?—проговорилъ ямщикъ.

— Поѣзжай,—согласился проѣзжій, не находя другого исхода изъ критическаго положенія.

Ямщикъ взобрался на выпряженную лошадь и отъѣхалъ отъ кибитки влѣво; но только-что скрылся въ пучинѣ бушующаго снѣга, какъ сейчасъ-же показался снова.

— Нѣтъ, баринъ, не поѣду,—угрюмо и рѣшительно проговорилъ онъ, слѣзая съ пристяжной и подходя къ проѣзжему.—Страшно!.. Отобьюсь отъ кибитки, а тамъ и замерзну пожалуй одинъ...

— Что-же теперь станешь дѣлать?—спросилъ проѣзжій, начинавшій терять послѣднюю надежду скоро выбраться къ жилому мѣсту.

— Подождемъ немножко, баринъ,—предложилъ ямщикъ какъ-то нерѣшительно.

— Да вѣдь буранъ можетъ продуть сутки и болѣе!? Нельзя-же ждать такъ долго!.. Вѣдь за это время и замерзнуть можемъ!.. — съ волненіемъ проговорилъ проѣзжій.

— Вѣрно твое слово, — согласился ямщикъ. — На все Божья воля, а все-таки ждать надо — не знаю, въ которую сторону ѣхать... Гляди, лошади совсѣмъ сбились...

Проѣзжій поневолѣ долженъ былъ согласиться съ приведенными доводами, покорно усѣлся въ глубь кибитки и плотно закрылся полостью.

„Придется ждать“, думалъ онъ, „а какъ долго, трудно сказать... Вѣдь буранъ дуетъ иногда нѣсколько сутокъ подрядъ... Ужасное, безвыходное положеніе!“ Проѣзжій невольно даже содрогнулся отъ представившихся его воображенію возможныхъ послѣдствій подобнаго неопредѣленнаго ожиданія въ степи, среди бушующаго бурана.

Ямщикъ между тѣмъ поставилъ своего коня въ постромки и затѣмъ усѣлся на облучекъ; плотно запахнувшись въ даху, онъ сталъ приглядываться въ непроглядную, снѣжную мглу, стараясь въ то-же время уловить какой-либо знакомый звукъ близкаго жилья.

„Первый блинъ комомъ“, продолжалъ думать проѣзжій. „Первая поѣздка на Ирбитскую ярмарку оказалась изъ рукъ вонъ неудачная... Торговалъ совсѣмъ плохо, а тутъ еще буранъ подвернулся. Просто бѣда!.. Отецъ будетъ очень недоволенъ моими первыми коммерческими опытами. Впрочемъ, самъ виноватъ... Какой я купецъ!?.. Кончилъ курсъ въ университетѣ, хотѣлъ по путешествовать, Европу посмотреть, а тутъ вдругъ отецъ потребовалъ изъ Петербурга въ Иркутскъ и по коммерческой части заставилъ итти... Продолжай, молъ, мои дѣла, приучайся, потому что старъ становлюсь; скоро, молъ, тебѣ во главѣ нашей фирмы придется встать... А какой я глава торговой фирмы!?.. Просто горе одно, да и только!.. А съ отцемъ не сговоришься: уперся, упрямый старикъ, на одномъ: „ты, молъ, единственный

сынъ и будущій глава фирмы Шаплыгинъ и К°, на тебя одна надежда; умру спокойно, когда всѣ дѣла въ твои руки передамъ... Грустно и больно!" съ горечью прошепталъ молодой Шаплыгинъ, плотнѣ закутываясь въ дорогую даху и отдаваясь дремотѣ, полной разнообразныхъ грезъ и воспоминаній.

II.

Неожиданная встрѣча.

Въ воображеніи Шаплыгина потянулась разнообразная панорама... Вотъ онъ видитъ себя совсѣмъ маленькимъ; ему отчетливо помнится скромный, тихій мальчуганъ въ бархатныхъ шароварахъ, глянцовитыхъ козловыхъ сапогахъ и въ красной шелковой рубахѣ, подпоясанной золотымъ кушакомъ. На курчавой головкѣ надѣта на бекрень ямщицкая поярковая шляпа съ превосходными, красивыми павлиньими перьями. Маленькаго Колю баловали всѣ, начиная съ отца и кончая многочисленной прислугой. Разныя тетеньки находили его красавцемъ и постоянно надоѣдали ему своими приторными ласками и поцѣлуями. Мать не чаяла въ своемъ Колюшенькѣ души и баловала его больше всѣхъ, не разставаясь съ нимъ и всецѣло отдаваясь глубокой материнской привязанности къ единственному, обожаемому сыну. Годы шли... Коля подросъ и сталъ уже десятилѣтнимъ мальчикомъ, безхарактернымъ шалуномъ, избалованнымъ, капризнымъ... Изъ этого періода жизни молодому Шаплыгину особенно врѣзался одинъ наиболѣе знаменательный день. Жили они въ Нерчинскѣ... Однажды отецъ возвратился изъ какой-то поѣздки и вдругъ, неожиданно, объявилъ, что Колѣ пора поступить въ учебное заведеніе. Мать поблѣднѣла, услыша такое страшное рѣшеніе, и крѣпко, судорожно обняла Колю, прижавшагося къ ея юбкамъ. Тѣмъ не менѣе, она покорно молчала, хорошо зная суровый, рѣшительный, непреклонный характеръ мужа.

— Я завтра-же отвѣзу Колю въ иркутскую гимназію!—добавилъ отецъ. — Коля, хочешь вѣдь учиться?— обратился онъ къ сыну.

— Хочу!—поневоѣ отвѣтилъ Коля, хорошо тоже зная, что отрицательный отвѣтъ можетъ вызвать цѣлую семейную бурю.

— Вотъ и отлично!—весело проговорилъ отецъ, цѣлуя сына и удаляясь затѣмъ въ кабинетъ.

Едва затворилась за нимъ дверь, мать вдругъ разрыдалась и начала безумно цѣловать сына. Эти слезы, эти ласки разстроили Колю, и онъ самъ расплакался, не сознавая хорошо причины своихъ неожиданныхъ, не удержимыхъ слезъ... Цѣлый день проплакала мать надъ Колей, словно хороня его. Разлука съ обожаемымъ сыномъ казалась ей невыносимой, хотя разлука эта не могла особенно страшить ее, такъ какъ отецъ высказалъ намѣреніе перебраться въ скоромъ времени на постоянное жительство въ Иркутскъ, куда призывали его торговые дѣла. Тѣмъ не менѣе, мать плакала съ какою-то болѣзненною тоскою, словно ее давило страшное предчувствіе, что она видитъ и цѣлуетъ сына въ послѣдній разъ. Слезы матери глубоко запечатлѣлись въ молодомъ Шаплыгинѣ, тѣмъ болѣе, что ему не пришлось уже свидѣться съ нею: она скончалась совершенно неожиданно, въ лучшую пору своей жизни. Николай Парфеновичъ (такъ звали молодого Шаплыгина) не могъ узнать до послѣдняго времени истинную причину такой быстрой смерти. Отецъ всегда сурово отмалчивался, когда сынъ обращался къ нему съ вопросами по поводу этого, словно опасаясь разбередить старыя раны. Между тѣмъ, городскія сплетни указывали на какое-то таинственное преступленіе, цѣль котораго осталась невыясненною. Рассказывали, что будто мать его была отравлена, но кѣмъ именно — не указывали. Другіе увѣряли, что она умерла отъ побоевъ мужа. Наконецъ, послѣдніе слухи, болѣе, повидимому, достовѣрные, приписывали неожиданную смерть матери гри-

бамъ, которыхъ покойница всегда любила плотно покушать. Трудно было разобраться среди этихъ разнообразныхъ городскихъ сплетень!.. Во всякомъ случаѣ, смерть матери произвела на молодого Шаплыгина неизгладимое впечатлѣніе, онъ затосковалъ по ней такъ сильно, что заболѣлъ нервной горячкой и пролежалъ въ постели почти три мѣсяца... Въ это время, отецъ, похоронивъ жену, закончилъ свои дѣла въ Нерчинскѣ и перебрался въ Иркутскъ. Первая встрѣча съ нимъ, послѣ полугодовой разлуки также сильно запечатлѣлась въ памяти Николая Парфеновича. Отецъ долго цѣловалъ сына, ласкалъ его и даже прослезился, когда тотъ вспомнилъ о матери. Сильно постарѣвшій, осунувшійся, посѣдѣвшій, Парфень Петровичъ произвелъ на сына крайне тяжелое впечатлѣніе: въ немъ было что-то неразгаданное и таинственное... Ласки его показались молодому Шаплыгину черезчуръ порывистыми и даже какъ будто-бы не вполне искренними. Можетъ быть Николай Парфеновичъ и ошибся, такъ какъ онъ мало любилъ отца, но за то страшно боялся, хорошо зная его горячій характеръ... Эта боязнь сохранилась даже до послѣдняго времени...

Вотъ промелькнули года, проведенные въ гимназіи: они не представляли ничего выдающагося... Время шло монотонно, въ непрерывныхъ учебныхъ занятіяхъ. Николай Парфеновичъ, благодаря природнымъ способностямъ, кончилъ курсъ вполне удовлетворительно; у него явилось желаніе побывать въ университетѣ. Отецъ первое время упорствовалъ, но наконецъ согласился и отпустилъ сына въ Петербургъ, прочитавъ ему передъ отъѣздомъ строжайшее нравоученіе, какъ должно вести себя въ современномъ Вавилонѣ. Денегъ на дорогу далъ въ обрѣзъ. На дальнѣйшія нужды поручилъ одному петербургскому знакомому выдавать сыну по сто рублей въ мѣсяцъ. Въ оправданіе такой скарденности, при миллионномъ капиталѣ, старикъ сказалъ сыну:

— Грѣшно давать молодому человѣку въ руки много

денегъ: завертисься и пропадешь ни за грошъ съ разными тамъ проходимцами...

Вотъ Николай Парфеновичъ видитъ себя въ Петербургѣ. Наука шла достаточно успѣшно, не смотря на то, что много времени растрчивалось на разные развлеченія. Особенно часто посѣщалъ Шаплыгинъ разные загородныя мѣста, будучи большимъ любителемъ оперетокъ. Одинъ подобный вечеръ особенно запечатлѣлся въ его памяти. Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Лѣтній сезонъ только что начался. Съ нѣсколькими товарищами, Николай Парфеновичъ отправился послушать въ Аркадію прелестную новинку Периколу. Въ заглавной роли дебютировала новая пѣвица, по афишѣ Норова, блондинка, красавица въ полномъ смыслѣ слова. Пѣла она посредственно, но за то своею пикантною игрою привела публику въ дикій восторгъ. Особенно неистовствовала золотая молодежь, въ томъ числѣ и Николай Парфеновичъ, на котораго дебютантка произвела неотразимое впечатлѣніе. Съ этого знаменательнаго вечера, онъ сталъ бывать въ Аркадіи почти ежедневно, увлекаясь Норовой все больше и больше. Онъ началъ искать знакомства съ сиреною, такъ неотразимо его обольстившею. Всѣ получаемыя деньги онъ тратилъ на букеты, отказывая себѣ нерѣдко въ самомъ необходимомъ. Букеты эти подносились Норовой, будто-бы отъ публики, почти ежедневно. Понемногу, Николай Парфеновичъ становился смѣлѣе и однажды вложилъ въ букетъ записочку, съ невиннымъ любовнымъ объясненіемъ. Сирена не замедлила обратить вниманіе на своего горячаго поклонника. Впрочемъ, вниманіе это ограничилось только привѣтливыми улыбками, кокетливо посылаемыми въ первый рядъ креселъ, гдѣ постоянно сидѣлъ Шаплыгинъ. Эти обольстительныя улыбки сводили юношу съума; онъ началъ мнить себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Онъ сталъ мечтать о взаимности и приходитъ, благодаря своему пылкому темпераменту, въ восторженное настроеніе...

Между тѣмъ, дни шли за днями, но Николай Пар-

феновичъ избѣгалъ рѣшительнаго шага; онъ боялся его, старался отдалить по возможности; онъ приходилъ въ нервный трепетъ каждый разъ, какъ только призрачная мечта начинала принимать болѣе осязательныя формы... Однажды, Николаю Парфеновичу пришлось, по болѣзни, пропустить нѣсколько вечеровъ. Приѣхавъ, затѣмъ, въ театръ, онъ вдругъ былъ пораженъ ужасною для него новостью: Норова неожиданно нарушила уже заключенный съ антрепренеромъ контрактъ и куда-то скрылась. Рассказывали, что она уѣхала съ кѣмъ-то за границу. Николай Парфеновичъ былъ пораженъ неожиданною новостью такъ сильно, что тотчасъ-же возвратился домой, грустный и разочарованный. Ему стало невыносимо тяжело за свою юную любовь, лелеянную почти мѣсяцъ и разлетѣвшуюся какъ дымъ. Онъ былъ глубоко оскорбленъ. Его мучила мысль, что онъ увлекся недостойною искренняго его чувства... Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ забыть ее: ея соблазнительный образъ не выходилъ изъ его головы, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе двухъ лѣтъ...

Ворвавшійся въ кибитку рѣзкій вихрь неожиданно порвалъ дальнѣйшую нить грезъ. Николай Парфеновичъ открылъ глаза и съ недоумѣніемъ сталъ всматриваться въ непроглядную тьму. Въ первую минуту, онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета, гдѣ находится: грезы унесли его слишкомъ далеко отъ барабинской степи, чтобы можно было разомъ вернуться къ грустной дѣйствительности... Съ трудомъ очнувшись, Николай Парфеновичъ едва разглядѣлъ ямщика, приподнявшаго верхнюю часть полости и что-то говорившаго, но что именно—нельзя было разобрать въ дикомъ хаосѣ все еще бушевавшаго бурана. Ямщикъ, не получая отвѣта, просунулъ въ кибитку руку и сталъ тянуть Шаплыгина за рукавъ дахи.

— Баринъ, а, баринъ, послушай!—кричалъ ямщикъ радостнымъ голосомъ.

Николай Парфеновичъ поспѣшилъ исполнить его требованіе, вылѣзъ изъ кибитки и сталъ чутко прислу-